

САТИРИКОВЦЫ

В двадцать седьмом году я стал штатным фельетонистом газеты «Гудок» и одновременно начал регулярно сотрудничать в сатирическом журнале «Бич», издававшемся газетой «Труд».

От других журналов этого жанра он отличался, пожалуй, лучшим художественным вкусом и большим литературным мастерством, и не случайно в нем из номера в номер печатался В. Маяковский, а основным художником был В. Лебедев. Редактировал журнал покойный Эмиль Кроткий, он-то и привлек в конце двадцать седьмого или в начале следующего года в качестве постоянного сотрудника «Бича» только что вернувшегося из эмиграции Аркадия Бухова, одного из наиболее известных некогда сатириковцев.

Повторявший своей графикой прославленный немецкий журнал «Симплицисимум», созданный Аркадием Аверченко «Новый Сатирикон» при всех своих недостатках представлял примечательное явление в русской до-революционной журналистике. Он был первым из сатирических или, вернее, юмористических журналов, использовавших те новые полиграфические возможности, которые принесло стремительное развитие техники печатного дела.

Помнится, в «Крокодиле» мы не знали того, например, что такое «запорошенье». Начав работать в «Занозе», я показал знакомому цинкографу сделанный этим способом номер «Нового Сатирикона», и вскоре цинкография освоила этот метод, давно применявшийся сатириковцами.

Работавшие в «Новом Сатириконе» художники Ремизов (Ре-ми), В. Лебедев, В. Яковлев, А. Радаков обладали хорошим художественным вкусом, и печать его лежала на всех выпускаемых «Сатириконом» изданиях («Русская история», обработанная «Сатириконом», «Путешествие сатириковцев по Европе», детский журнал «Галчонок» и др.).

В лице Аркадия Аверченко русская литература имела яркий и многообещающий талант, который, не развиваясь он в полосу безвременья и реакции, мог бы оставить после себя что-нибудь куда значительнее сборников юмористических рассказов.

Самая талантливая конкурентка Аверченко — умная и острая Теффи в «Новом Сатириконе» появлялась не часто. В отличие от большинства сатириковцев, эмигрировавших вскоре после Октября за границу, безоговорочно перешел на сторону революции и одно время считался видным советским журналистом О. Л. Д'Ор (Оршер).

Теффи и О. Л. Д'Ор кажутся мне наиболее даровитыми после Аверченко прозаиками «Нового Сатирикона». Все остальные работавшие в этом жанре сотрудники журнала особыми талантами не блистали, и это ничуть не беспокоило одаренного, но больше всего пекущегося о собственной славе редактора-издателя. По отношению же к поэтам и стихотворным фельетонистам Аркадий Аверченко проявлял куда большую взыскательность. Сотрудничавший в «Сатириконе» поэт Саша Черный был, пожалуй, самой яркой фигурой в журнале. Работали в «Сатириконе» и такие поэты, как Потемкин и Горянский. Хватило у Аверченко и редакторской проницательности для того, чтобы привлечь к сотрудничеству в «Новом Сатириконе» и В. Маяковского.

Любопытной фигурой из литературных неудачников, привлеченных Аркадием Аверченко к постоянному сотрудничеству в журнале, был Николай Николаевич Черный (Брнев), врач по профессии, очень глубокий и вдум-

чивый, но на редкость мрачный человек. Дни свои Черный окончил в психиатрической лечебнице. Ленинградская блокада доконала его и без того шаткую психику.

Судьба Аркадия Бухова, окончившего в свое время университет и меньше всего помышлявшего о журналистской карьере, сложилась неожиданно для него.

За всю мою долгую жизнь я не видел человека, который делал бы из самого процесса еды такую торжественную, почти религиозную церемонию. Аркадий Бухов не обедал, не ужинал, не завтракал даже, а священнодействовал — иначе не назвать того благоговения, с которым он открывал мельхиоровый судок с котлетой поклевски или принимался за стерлядку, поданную «кольчиком» под белым соусом. Он не был обжорой, о пет! Это был гурман, наслаждавшийся всем, связанным с посещением раз навсегда облюбованного ресторана. Он приходил не для того, чтобы пообедать или поужинать, — это было бы слишком прозаично и скучно.

Заняв оставленный для него столик, Аркадий Бухов с полчаса сидел над меню, тщательно выбирая блюда и внимательно выслушивая советы опытного официанта, избалованного огромными чаевыми. Еще не сделав окончательного выбора, старый гурман подзывал метрдотеля и выяснял у него, не получил ли ресторан чего-либо редкостного. Установив, что есть спаржа или впервые появившиеся парниковые огурчики, Бухов начинал колдовать над картою вин и, кроме обязательной водки в запотевшем от холода графинчике, заказывал вино самой дорогой в ресторане марки. Наконец, покончив с этой частью ритуала, он через того же метрдотеля или официанта просил передать на кухню шеф-повару, называя его при этом обязательно по имени-отчеству, просьбу получить прожарить корочку у бифштекса или не забыть положить ломтик лимона в ступень по-еврейски...

Октября Аркадий Бухов не принял и, двинувшись на запад, оказался в Гродно, все еще занятом немцами. В Гродно, вспомнив о своем дипломе, он поступил преподавателем в ту самую гимназию, в которой когда-то я учился.

С возникновением независимой Литвы и воцарением Сметоны Бухов перекочевал в Каунас и, быстро натурализовавшись в том спекулятивном и националистическом центре, в который превратилось скромное Ковно,

добавил к своей фамилии окончание «ас». Получилось вроде как по-литовски: «господин Буховас»...

Решив обосноваться в новой литовской столице, Бухов начал издавать газету на русском языке, субсидируемую и Сметоной, и кое-кем из бежавшей в Литву русской буржуазии, и резидентами иностранных разведок, которыми в ту пору Каунас кишмя кишел. Вероятно, по своей вопиющей аполитичности Бухов и не всегда знал, чьим оружием в данную пору являлась его газета...

В двадцать седьмом году Бухов начал жалеть о том, что покинул Россию, и, хоть и с большим запозданием, «сменил вехи».

Вернувшись на родину и поселившись в Москве, Бухов снова принялся за юмор.

Он был незаменимой находкой для любого журнала типа «Бича» или «Крокодила», охотно и добросовестно выполнял любые редакционные задания. Обладая высокой техникой, он никогда не спускался ниже вполне пристойного уровня и не имел ничего общего с теми халтурщиками, которые путешествовали по этажам и коридорам Дворца труда.

В «Биче» он и оказался той рабочей лошадью, на которой обычно выезжают все редакции еженедельников этого типа.

После закрытия «Бича» Аркадий Бухов перекочевал в выходивший под редакцией Михаила Кольцова журнал «Чудак», а затем работал с ним в «Крокодиле».

Мы довольно часто встречались с ним в ту пору. Устаревал, выходил из моды, а то и попросту изнашивался богатый гардероб, который Бухов со старанием дореволюционного «жеп-премьера» привез из Каунаса, но сам он несколько не менялся и оставался все тем же эпикурейцем.

Неизменное добродушие исполнявшего обязанности ответственного секретаря журнала Бухова делало его героем многих редакционных розыгрышей. Однажды впервые появившегося в «Крокодиле» посетителя предупредили, что ответственный секретарь журнала едва слышит и с ним надо говорить очень громко. А забежав в кабинет Бухова, кто-то из заговорщиков предупредил его, что в приемной ждет совершенно глухой посетитель, говоря с которым надо не жалеть голосовых связок. И пока Аркадий Бухов и попавший на прием посетитель

орали друг на друга, весь коллектив редакции корчился от совершенно не удержимого хохота, хотя известно, что даже могильщики и факельщики из бюро похоронных процессий отличаются куда более веселым нравом, нежели профессиональные юмористы...

Близко я был знаком и с художником Радаковым.

В «Сатириконе» Алексей Александрович Радаков был не только ведущим художником, наравне с эмигрировавшим после революции в США Ре-ми, заполнявшим журнал. Поссорившись с Корнфельдом, издателем «Сатирикона», Радаков и Аркадий Аверченко организовали свой сатирический журнал и собственное же издательство. Журнал этот был назван «Новым Сатириконом», и так как Аверченко и Радакову удалось не только увлечь с собой основных сотрудников корнфельдовского издания, но и раздобыть адреса подписчиков, то старый «Сатирикон» зачих и спустя полгода прекратил свое существование.

И Аверченко и Радаков пытались оправдать свой уход от Корнфельда «принципиальными» мотивами, и было время, когда мы наивно думали, что коллективный уход их из «Сатирикона», разоривший издателя, был творческим актом талантливого коллектива. На самом же деле покойный Аверченко, приехавший в Петербург полунищим конторщиком и очень скоро вместе со стремительным успехом вкусивший беспечной жизни барина, оставившего на чай лакею-татарину больше, чем еще недавно получал за месяц кропотливого конторского труда, решил сам взяться за прибыльные издательские дела и уговорил заняться этим и беспечного, не привыкшего считать рубли Радакова.

Скончавшийся в Тбилиси в годы Великой Отечественной войны, художник учился в Париже в «Леколь де бозар», был женат на француженке и с далекого Монмартра привез и широкополую черную шляпу, и небрежный бант, которым заменял скучный галстук, и неискоренимые навыки артистической богемы.

Как сейчас слышу его любимое словцо, с помощью которого он любил выражать самые разные свои чувства.

— Адово! — изрекал Радаков, увидев чей-нибудь отличный рисунок.

— Адово! — хвалил он оказавшуюся на столе бутылку дорогого вина.

— Адово! — ругался он, узнав от кассира, что очередной гонорар его пошел в погашение когда-то взятого аванса.

Другим словцом, которым бывший воспитанник Парижской академии художеств обозначал самые неожиданные свои эмоции, было слово «мрак».

— Мрак! — неожиданно бросал он, и надо было научиться знать богемствующего до старости художника, чтобы понять, что этот похожий на карканье возглас понадобился Радакову только для того, чтобы выразить свое неудовольствие недостаточно холодным пивом или переваренными сосисками.

В быту Алексей Александрович пользовался удивительно малым запасом слов, и в этом отношении у него было немало общего с людоедкой Эллочкой из «Двенадцати стульев». Кстати, и Ильф и Петров отлично знали Радакова, часто с ним встречались и, составляя несложный словарь этой своей героини, включили в него и излюбленное радаковское словцо «мрак».

Я познакомился с ним еще в Москве, когда работал в «Занозе». Иван Андреевич Малютин как-то привел его в журнал.

Знакомство наше осталось бы мимолетным, ибо Радаков в ту пору жил еще в Петрограде. Но в том же двадцать четвертом году я приехал в северную нашу столицу по вызову Еремеева, согласившегося взять на себя руководство «Смехачом», и, чтобы подчеркнуть свое уважение к коллективу журнала, заявился к Радакову, как к старейшему нашему карикатуристу. Он радушно принял меня и тотчас же с неожиданным проворством сбегал за вином. Но распивать его нам пришлось с помощью специальных стаканчиков для акварели. В мастерской художника, в которой он и жил, не нашлось ни стакана, ни чашки, ни какой-либо другой посуды.

В отличие от не претендующего ни на богатство, ни на комфорт художника, Аркадий Аверченко так и не мог принять Советскую власть, отобравшую у него хранившиеся в банке деньги и ценности и реквизировавшую типографию «Нового Сатирикона» вместе с солидным запасом бумаги, стоявшим тысячи золотых рублей.

Политическая линия «Нового Сатирикона» после Октября, его злобные нападки на большевиков и Советы — все это было продиктовано той классовой ненавистью, ко-

торую талантливейший русский юморист неожиданно ощутил в себе.

Эта же злоба экспроприированного буржуа загнала Аркадия Аверченко в белую эмиграцию. Умер он и похоронен в Праге.

При всей своей беспринципности сатириконцы и в первую очередь Аверченко и Радаков, официальные и фактические издатели и владельцы журнала, придерживались каких-то общественных норм, обязательных в то далекое время.

Не отличаясь ни высоким интеллектом, ни изощренным вкусом, Николай II был большим любителем легкого чтения и не то, чтобы особенно понимал юмор, но обожал читать вслух в кругу своей многочисленной семьи рассказы Аверченко и других сатириконцев. Както они даже удостоились высокой монаршей милости — последний Романов пригласил их к себе в Царскосельский дворец. Но царское приглашение натолкнулось на решительный отказ — общественное мнение не простило бы сатириконцам этого визита...

Организовав коллективный уход сатириконцев от Корнфельда, Аверченко и Радаков сделали это на деньги, одолженные у художника Н. Радлова.

Сын известного профессора, Николай Эрнестович был полной противоположностью Радакову. Человек редкого ума и такта, он больше умом, нежели природным дарованием, выработал свою манеру смешно, хотя и надуманно рисовать.

Из всех ушедших от Корнфельда сатириконцев только у Радлова были деньги, и он-то и дал те пять тысяч, на которые потом развернулось издательство «Новый Сатирикон», обогатившее Аверченко. Но совладельцем «Нового Сатирикона» Радлов так и не стал — рафинированному столичному интеллигенту претила вся эта торгашеская комбинация с подновленным названием журнала.

Работая в «Бегемоте», я познакомился и еще с одним талантливейшим сатириконцем — художником В. В. Лебедевым. Знакомством этим я был обязан Льву Григорьевичу Бродаты. График большого дарования, он был бы вполне на своем месте и в «Новом Сатириконе» и, вероятно, стал бы сатириконцем, если бы родился чуть раньше и за несколько лет до первой мировой войны по-

пал в Россию. Венский еврей, он был в начале войны интернирован. Но страну нашу он узнал толком после Октября и горячо ее полюбил. И вместе с тем до конца своих дней Бродаты сохранял свой смешной «венский» патриотизм.

О чем бы ни пошел разговор, о живописи, журналах, литературе, бегах, строительстве домов, Лев Григорьевич делал глубокомысленное лицо и с комической важностью изрекал:

— У нас в Вене все это лучше.

Однажды пошла речь о железнодорожной катастрофе.

— Тоже мне катастрофа, — пренебрежительно поджал губы Бродаты, — у нас в Вене па такие вещи не обращают внимания...

В горячих симпатиях художника к тому новому, что принесла великая революция, нельзя было сомневаться. Еще в феврале восемнадцатого года он стал редактором сатирического журнала «Красный дьявол».

В «Бегемоте» он заведовал художественным отделом. Года два мы проработали вместе, и я хорошо помню настойчивость, с которой он вовлекал в журнал молодых ленинградских художников, многим обязанных ему. Но изобретательный и умный художник, он вдруг отказывался рисовать то, что само просилось на бумагу.

— Это невозможно изображать, — напыщенно изрекал он, и переубедить его удавалось лишь ценой долгих уговоров.

Самовлюбленный, он был уверен, что все делает лучше других. В шахматах Бродаты ничего не понимал, но это не мешало ему считать себя первоклассным шахматистом.

Мое знакомство с шахматами было ограничено едва ли не знанием того, как расставляются фигуры и какие ходы они могут делать. Но, играя по просьбе Бродаты с ним в шахматы, я выигрывал партию за партией и все-таки никак не мог убедить его в том, что шахматистом он никогда не будет.

— Вы не умеете играть, — говорил он со своим неизменным венским акцентом, — и выигрываете у меня совершенно случайно.

Из упрямства он предложил мне играть на деньги, что-то по рублю за партию. Я наиграл с полсотни рублей, но он по-прежнему твердил:

— Так, как вы, у нас в Вене не играют...

С художником Лебедевым Льва Григорьевича связывала крепкая дружба, и он-то и познакомил меня с этим изумительным рисовальщиком. В конце двадцатых годов Владимир Васильевич перекочевал в детскую литературу, где проиллюстрировал не один десяток книжек для детей дошкольного возраста.

Можно по-разному относиться к Лебедеву как иллюстратору и к его рисункам для детей. Но мне казалось, и этого мнения я держусь и поныне, что он является одним из самых замечательных рисовальщиков нашего времени. Как-то вместе с Бродаты я побывал на квартире у Владимира Васильевича и был потрясен его альбомами. Сделанные в них наброски с натуры свидетельствовали о поистине титаническом труде художника. Обладая прекрасной зрительной памятью, он все же на нее не полагался, и любые, незначительные детали, даже такие, как фасон модной дамской шляпки или складки на плисированной короткой юбочке, обязательно зарисовывались в очередной альбом и лишь потом переносились в его острый и поразительно точный рисунок.

Лебедев в те годы увлекался боксом, и наивно подражавший ему во всем Бродаты не только занялся совершенно несоответствующей его физическому облику тренировкой, но и упорно пытался свести меня с тренером Владимира Васильевича.

Намного позднее всех остальных художников-сатириков в наших журналах появился А. Юнгер, рисунки которого печатались и в «Сатириконе» Корифельда и в «Новом Сатириконе», издававшемся Аверченко и Радаковым.

Образованный и опытный архитектор, он особого интереса к нашим журналам не проявлял и вскоре целиком отдался основной своей профессии.

В «Новом Сатириконе» работал и Василий Князев. Правда, от Аверченко он ушел еще в четырнадцатом году. Но, порвав с «Новым Сатириконом», он продолжал сотрудничать в «Биче», издававшемся братьями Добужскими и отличавшемся от аверченковских изданий лишь

меньшей талантливостью сотрудников и пониженной графической культурой.

В «Красной газете» Князев появился еще при Володарском. Несмотря на политические зигзаги, он был в числе тех немногих петербургских литераторов, кто нашел в себе силы навсегда порвать с буржуазной печатью и отдать свое перо Советской власти.

Это было время, когда наряду со злостными саботажниками из министерств и банков литературная головка тогдашней столицы считала для себя невозможным даже эпизодическое сотрудничество с большевиками. Даже Куприн ушел из Гатчины вместе с отступавшими войсками генерала Юденича. О газетчиках и говорить не приходится, а уже сумевшие приобрести хоть некоторую известность фельетонисты, не раздумывая, перебрались в белую прессу, не брезгуя сотрудничеством в заведомо осваговских газетах.

Тем обиженнее почувствовал себя Василий Князев, когда вслед за переходом к новой экономической политике в опустевший Петроград начали возвращаться «сменившие вехи» сотрудники белых и эмигрантских газет.

Кое-кто из вернувшихся или из тех, кто все годы гражданской войны упорно отмалчивался, начал проявлять необычную прыть и, бесцеремонно перекрасившись, стал «зашибать червонцы» в тех же советских газетах и журналах, которые совсем недавно поносил в эмигрантской печати.

Все это неуравновешенный поэт считал личной своей обидой.

Мы старались привлечь его к постоянной работе в журнале, но из этого ничего путного не получалось, хотя он охотно писал. Как-то мы разговорились с ним о поэзии, и он, которого все в Питере считали конченным человеком, поразил меня своей трогательной и проникновенной любовью к русским поэтам и отличным знанием их многообразного творчества.

Не так давно в «Литературной России» были напечатаны воспоминания о последних днях талантливого сатирического поэта.

Тяжелая судьба выпала на долю поэта-фельетониста Владимира Воинова. Человек большой воли, он подолгу не пил, умышленно окружая себя соблазнами. Я не раз бывал у него в такие «трезвые» периоды. На подоконни-

ках небольшой квартиры Воинова стояли четвертные бутылки с водкой, поэт охотно угощал приходивших к нему товарищей, но сам не прикасался к рюмке.

Но достаточно было ему пригубить бокал даже с легким вином, как начинался чудовищный, заканчивавшийся в больнице запой. Как-то Воинов пришел на редакционную вечеринку, устроенную в складчину. Не пригласить его было неудобно, чего доброго, смертельно обидится, приглашать боязно. На всякий случай Воинова посадили между двумя почти непьющими, непреклонными, как Савонарола, сотрудниками «Бегемота» с твердым наказом не позволять ему даже поглядывать на бутылки. Оба товарища честно выполняли свои обязанности, но участие в нашей вечеринке все-таки надолго выбило несчастного поэта из жизни. Случайно он съел шоколадную конфету с ромом, и этого было достаточно для того, чтобы снова запить.

Последний раз я был у него, когда он лежал изуродованный подагрой, скрюченный и страшный. У него был ясный ум и огромная жажда жизни. И они-то заставляли этого, доживающего последние месяцы больного разговаривать так, словно он только начинал свой жизненный путь и верил в то, что путь этот будет радостным и легким...

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

Все мало-мальски образованные люди знают превосходный роман Виктора Гюго «Человек, который смеется», и я даже спустя полвека помню, как потрясло меня изуродованное лицо героя.

Но человека, который никогда не смеялся, мало кто знает. Между тем, этим редкостным ипохондриком был не кто иной, как Михаил Зощенко.

В двадцатые годы Зощенко был самой яркой фигурой не только среди сотрудников «Бегемота», но и всех других ленинградских и московских юмористических журналов. Пользуясь огромным читательским успехом, он оказывал заметное влияние на многих литераторов, причастных к юмору и сатире, особенно на своих ленинградских земляков. Даже газетные фельетонисты были не застрахованы от подражания «зощенковской» манере письма, его юмору, его своеобразному языку.

О Зощенко и его творчестве много спорили. Многие критики считали его замечательным писателем и даже коротенькие рассказы Зощенко относили к выдающимся явлениям нашей литературы. В числе его литературных поклонников был и такой искушенный литературовед, как Виктор Шкловский.